

— Гого~ — Оу Хэн подбежал к Ли Цзюньюю, словно маленький ребёнок. Ли Цзюньюю был ростом сто восемьдесят девять сантиметров, а Оу Хэн — всего метр шестьдесят один. Разница почти в тридцать сантиметров, так что он действительно выглядел как ребёнок рядом с ним.

— Кхм-кхм... Родитель Оу Хэна, проходите сюда, садитесь. — Учитель, опомнившись, позаботился о Ли Цзюньюе. Кашляя, он попытался скрыть своё недавнее замешательство и привёл в чувство остальных, а затем поспешно налил Ли Цзюньюю стакан воды.

— Спасибо, учитель. — Ли Цзюньюю притянул Оу Хэна к себе. — Ты хочешь пить? — спросил он.

— Учитель, не могли бы вы рассказать, что случилось? — Ли Цзюньюю, убедившись, что с Оу Хэном всё в порядке, взглянул на учителя с вежливой улыбкой.

— Дело в том, что у этого ученика, Цзя Хао, пропали деньги, и поскольку Оу Хэн был последним, кто ушёл из здания, его вызвали, чтобы кое-что уточнить.

Камеры на входе показали, что больше никто не заходил в здание, но в коридорах, ради приватности студентов, камер не было, поэтому Оу Хэн стал главным подозреваемым.

— Это родитель Цзя Хао, верно? Я хотел бы узнать, как мы будем решать эту ситуацию. Я уверен, что мой ребёнок этого не делал. — У Оу Хэна и его дядьев, и у него самого было столько карманных денег для Эр-эра, что у него просто не было причин совершать подобное.

— Если это не он, тогда вызываем полицию. — Цзя Хао посмотрел на Ли Цзюньюю и уже не смел вытягивать шею и демонстрировать своё превосходство. Теперь он поверил.

— Вызывайте полицию. Пусть возьмут отпечатки пальцев, сравнят их, проверят серийные номера пропавших денег и найдут того, кто их использовал. — Ли Цзюньюю предложил решение, обращаясь к учителям и инструкторам.

— Учителя, что вы об этом думаете? — Ли Цзюньюю сдержал свою властность. Он был здесь как родитель, а не как босс.

— Это... не будет ли слишком сложно? — У учителей и мамы Цзя Хао были выражения лиц, которые трудно было назвать однозначными.

— Это не такая уж большая сумма, не стоит так усложнять... — Мама Цзя Хао осторожно спросила. Услышав, как профессионально звучит Ли Цзюньюю, они немного испугались. Снимать отпечатки, проверять серийные номера...

— Если вы мне доверяете, я всё урегулирую. Нельзя позволить, чтобы на моего ребёнка возвели напраслину. — Ли Цзюньюю был непреклонен, достал телефон и отдал несколько распоряжений.

— Подождите несколько минут, скоро будут новости. — Ли Цзюньюю убрал телефон и вежливо улыбнулся остальным.

— Ха-ха... Извините за беспокойство, господин. — Остальные изобразили неловкую, но вежливую улыбку, чувствуя, как по спине бежит холодный пот. Неужели это так страшно?

Все незаметно сглотнули, понимая, что такого родителя они вызвали. Очень уж страшного.

Вскоре пришёл человек с ноутбуком.

Мужчина начал быстро набирать на клавиатуре, пальцы двигались так быстро, что казались размытыми.

Оу Хэн устроился в объятиях Ли Цзюньюя, чувствуя знакомый запах и тепло родного тела, и через некоторое время уснул.

Ли Цзюньюй ещё хотел поговорить с ним, но, опустив голову, обнаружил, что его маленький сокровище уже спит.

Но уже через полчаса результаты были готовы.

— Согласно отпечаткам пальцев и серийным номерам денег, которые он использовал на этой базе за последнее время, это он. — Мужчина, одетый с иголки, повернул компьютер экраном к учителям.

— Учитель, вы его знаете? — Ли Цзюньюй заметил, как одна из учительниц смотрела на экран с шоком, указывая на него рукой, а другой закрывала рот, словно не веря своим глазам.

— Это не может быть он, он... — Учительница покачала головой, не в силах поверить.

— Почему это невозможно?

— Попросите того учителя позвать этого ученика сюда. — Ли Цзюньюй сменил позу, глядя на учительницу, и от него вдруг повеяло давлением человека, привыкшего командовать.

— Это... — Учительница посмотрела на старшего учителя.

— Позовите его. — Старший учитель кивнул. Сейчас, когда здесь родитель Оу Хэна, и они уже безосновательно вызвали того, они не могли отказать в требовании его родителя.

— Учитель, не могли бы вы рассказать о нём? — Ли Цзюньюй смотрел на фотографию на экране. У юноши между бровями читалась меланхолия, было в нём что-то от печального героя романа, но в таком молодом возрасте это вызывало лишь чувство подавленности.

— Это студент, поступивший к нам в этом году из маленького уезда. У него отличные оценки, и рекомендации от прошлых учителей тоже очень хорошие... — Подразумевалось, что он не мог быть вором.

— А мой Эр-эр разве не был отличником? Разве его в прошлой школе плохо не оценивали? — Ли Цзюньюй словно спрашивал: вы считаете, что репутация моего Эр-эра хуже? Его сразу можно было тащить на допрос, и если бы не я, его бы уже заставили признаться под пытками!

— Это... — Старший учитель оказался в затруднительном положении.

— Давайте сначала поговорим с тем учеником, а потом продолжим. — Ли Цзюньюй не собирался давить слишком сильно, ведь Оу Хэну ещё предстояло учиться в этой школе три года.

— Это Хэ Тянь.

— Здравствуйте, учителя. — Хэ Тянь, увидев столько народу — учителей, руководителей — голос его даже задрожал. Он опустил голову и не смел смотреть в лица учителям.

Остальные учителя, глядя на такого Хэ Тяня, мысленно вздохнули. Девять из десяти — это точно он.

— Это ты взял деньги Цзя Хао? — Ли Цзюньюй не стал ходить вокруг да около, спросив прямо.

Услышав эти слова, Хэ Тянь резко поднял голову, глаза у него покраснели, они наполнились слезами, вызывая жалость.

— Родитель Оу Хэна, не надо так, в деле ещё есть неопределённость, вы... — Одна из учительниц с избытком чувств, глядя на вид Хэ Тяня, не выдержала и сказала. Ей казалось, что у ребёнка, наверное, есть какая-то горькая судьба, зачем же так сильно на него давить?

Услышав, что учительница заступается за него, глаза Хэ Тяня покраснели ещё больше. Он опустил голову, веки опустились, и никто не мог разглядеть, что творится у него на душе.

— На подушке Цзя Хао были обнаружены его отпечатки пальцев. Кроме того, деньги, которые Хэ Тянь потратил сегодня днём, в точности соответствуют тем, что эта дама выдала Цзя Хао. — Ли Цзюньюй попросил мужчину запустить видео, где совпадали кодировки на купюрах.

— Деньги, которые эта дама подготовила для Цзя Хао, до сегодняшнего дня просто не имели шансов быть потраченными. То есть Цзя Хао их не тратил. А деньги, которые использовал Хэ Тянь, — это в точности деньги Цзя Хао. Тут ещё есть что-то сказать?

Ли Цзюньюй излагал свои мысли чётко и ясно. Та учительница, которая только что заступалась за Хэ Тяня, слушала, открыв рот, и не могла поверить, что только что сказала.

— Хэ Тянь, есть ли у тебя что сказать на это? — Ли Цзюньюй смотрел на него.

— Простите... — Хэ Тянь закрыл лицо руками и присел на корточки, издавая всхлипы.

— Мой брат болен. Чтобы я мог учиться, семья потратила почти все деньги. У нас больше нет возможностей, мы действительно не могли достать денег. Вчера вечером я случайно увидел, как Цзя Хао положил деньги под подушку, и у меня возникли дурные мысли.

— Простите, правда простите... Я потом всё верну, моему брату действительно нужны эти деньги, простите... — Хэ Тянь вытер слёзы и с решимостью посмотрел на Цзя Хао. — Прошу вас, простите меня...

— Ребёнок, если есть трудности, зачем же не сказал учителям... — Учительница, глядя на этого «белого кролика», испытывала сильную жалость. Она подтянула Хэ Тяня, усадила его на диван, протянула салфетки и стала мягко его успокаивать.

— А почему ты не сказал? — Цзя Хао смотрел на Хэ Тяня с некоторым пренебрежением. Парень, независимо от причин, ведь это не какая-то трагедия с гибелью семьи, а они особо ничего грубого не говорили, а он уже плачет.

Теперь это выглядело так, будто они совершили проступок и украли деньги.

— Я боялся, что вы не дадите мне... что будете презирать меня... — Хэ Тянь опустил голову, изображая из себя жертву. Его обиженный вид на фоне агрессивного тона и выражения лица Цзя Хао вызвал у учителей ещё больше сочувствия к Хэ Тяню.

Мама Цзя Хао, видя отношение учителей, нахмурилась. Она взглянула на Хэ Тяня, а затем

удержала сына, не позволив ему продолжить говорить.

— Пусть этот ученик подпишет долговую расписку, и на этом вопрос закрыт. Мы не будем преследовать дело дальше, во всяком случае они ещё дети. — Мама Цзя Хао оторвала лист с распиской и пододвинула его к Хэ Тяню, с улыбкой, полной доброжелательности и понимания.

Её сын не должен быть глупой ступенькой для чужих амбиций. Она этого не допустит.

Хэ Тянь, глядя на расписку перед собой, застыл. Он не знал, куда деть руки и ноги, плач прекратился, а лицо приняло такое выражение, будто он хотел плакать, но не мог — это выглядело довольно нелепо.

— Спасибо. — Хэ Тянь поставил подпись. Это слово словно выдавилось из него сквозь стиснутые зубы, в душе он ненавидел их до смерти, но на лице вынужден был сохранять улыбку.

<http://bllate.org/book/16768/1541247>